

RISUS SARDONICUS

Вечерний выпуск

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН
ВЫПУСКНЫХ ВЕЧЕРОВ
— ЛЕНИНГРАДСКОГО —
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

Год издания первый

Суббота 20 Июня 1925 г.

№ 1

Суббота 20 Июня 1925 г.

Редакционная Коллегия: д-р Г. Л. ФРЕНКЕЛЬ (Георг Нордбарн), д-р М. Я. АШМЯН и д-р М. Н. АБРАМСОН.

Издатель: Комиссия по устройству вечера, врачей Л. М. И. выпуска 1925 года.

Редакционная Коллегия заверяет всех лиц, увековеченных на страницах этой газеты, что все здесь напечатанное является самой дружеской и беззлобной шуткой. Sapiienti Sat!

От феодальной медицины к Советской или напутствие неблагоприятным ученикам.

Vobis, vobis debeo!
Bien plus qu'à la Natura et patre meo.
Natura et pater meus fecerant me hominem,
Mais Vos, ce qui est bien plus,
M'avaitis factum Medicum!*)

Так рыцарски возвышенно благодарил, окончивший курс феодальный врач своих Великих учителей,**) этот адепт науки, тень которого была воспеана Мольером, перед самым ее исчезновением в прошлом истории. И было за что благодарить, наука была не сложна, курс упрощен, работы предстояло много, а доходов еще больше. Salus, honor et argentum, atque bonum appetitum, было с другой стороны единственным пожеланием Великих учителей окончившему. Выпускных экзаменов в то, блаженной памяти до реформы ВУЗ'ов, время было всего два: по фармакологии и по терапии; излюбленным вопросом по фармакологии был обыкновенно:

Opium quare facit dormire?

Ответ считался вполне удовлетворительным, когда аспирант отвечал:

Quia est in eo virtus dormitiva,
Cuius est natura sensus assupire.

окончивший врач не считал для себя вполне удобным вдаваться в изложение мало научно-обоснованных способов лечения, и от всех болезней предлагал:

Primo segnare,
Ansuito purgare,
Deinde clystirizare.

Если какой-нибудь придирчивый, начинавший уже повидимому буржуазно мыслить, экзаминатор не удовлетворялся этим ответом и предлагал изыскать еще способы лечения, которые не входили в обязательную программу курса, то, преданный ученому факультету****), экзаменуемый обычно непоколебимо отвечал:

Resegnare,
Repurgare,
et reclystirizare!

И хор аптекарей и хирургов под звуки пестиков об аптекарские ступки приветствовал окончившего молодого ученого:

Bene, bene respondere
Dignus, dignus es intrare
In nostro docte corpore.

*) На этом жаргоне, бывшем в ходу у феодального врача, и состоявшем из смеси латинской латыни с французским это означает: „Вам, вам я обязан! Гораздо больше, чем природе и моему отцу. Природа и отец мой сделали меня человеком, но Вы, что гораздо этого больше, сделали меня Медиком“.

**) Просьба не смешивать с Великими учителями, создавшими Ю. Ю. Джанидзе.

***) Академически мыслящий, в то время ценилось также, как, примерно, теперь „материалистически мыслящий“.

****) Ученым факультетом называют такое учреждение, которое сохранило свою независимость и традиции со времен феодальной эпохи по сие время.

Да это и понятно, что факультет удовлетворялся этими прямыми и простыми ответами: лекарство в то время было мало, дыр куда их можно было вводить известно было всего две: per os и per anum, но тем больше падало работы на эти две дыры. Но феодальный врач не боялся работы. Мы действительно видим этого труженика, изображенным на старых гравюрах с большим клистиром под мышкой, перебегающим из дома в дом, из города в город, из замка в замок, разводящим во время отдыха под открытым небом костер, для того чтобы вместе с ужином варить полезные клистирные отвары, предназначенные умерять воспаления больных человеческих внутренностей.

Но история неумолима, исчез в ее прошлом феодальный врач и народился врач буржуазный, тотчас при своем рождении начавший обнаруживать признаки охамения. Он уже не поет благодарственных гимнов своим учителям, он стал практичнее и удовлетворяется, в знак окончания курса, накачиванием их вскладчину, чем и учителя довольны, утратившие рыцарские предрассудки тщеславия*). Но такое охамение буржуазного врача понятию, — жить стало труднее, наука и техника разрослись невероятно, лекарств стало неисчислимое множество, да и дыры, куда их вводить, размножились изрядно. Ко рту и к anus'у быстро присоединились vagina, uretra, ноздри, уши, потом научились вводить лекарства через множество дыр, которые стали продельвать в шкуре, в мясе, в жилах, в черепе, в костях, в мозговой жиле, а тут еще подвязалась опистотония, лезущая маточником, ретроградная минипия, и другие дыры.

Врачей стало много, каждый взял себе по одной дыре, а доходов стало меньше. Наука большая, все равно всего не объять, врач буржуазный обленился, он уже не ходит с тяжелым клистиром под мышкой. И сей Клистир — дар Эскулапа человечеству, орудие облегчения жаждущих на протяжении эпох, — утратил к позору буржуазной медицины свое значение. Он бы совсем исчез из буржуазного мира, если бы женщины, верные средневековью и вдохновляемые до сих пор еще напевами Роланда, не остались бы верны попрежнему сему инструменту; да и то эти особы, движимые классовым инстинктом и ксенофобией, стали применять его почти исключительно для обездвиживания vagin'ы.

Пришедший на смену буржуазному врачу, пролетарский врач уже не только не благодарит своих учителей и не угощает их, но норовит сам стянуть у них спирт по окончании курса. И это его неблагоприятное отношение вполне экономически понятно. Ведь буржуазная медицина не дала, по причине саботажа, пролетарскому врачу своих лекарств, предназначенных для обслуживания многих дыр, и пролетарскому врачу остались лишь дыры, которые он все взял, прибавив к ним всего лишь одну — в кармане; да вдобавок ему остался клистир, спасенный женщиной от буржуазного разгрома, который она не выпустит никогда, хотя она теперь ему и товарищ. И сей многополезный клистир, являлся единственным благом оставшимся ему от старого мира. Вдобавок пролетарского врача никто ничему не учил, он сам взял науку. При шумной церемонии, под звуки ступок и хор аптекарей и хирургов, никто его не рукопожолжил Медиком.

Он сам сделал себя Советским врачом. Благодарить ему поэтому некого и незачем. Не нужно нам праздных и

*) Редкие исключения составляют некоторые хирурги ринопластического направления, питающие рыцарские чувства признательности к своим учителям и не принимающие угощений.

Собираясь сегодня последний раз в стенах Института, мы пользуемся случаем выразить чувство глубокой признательности и искренней благодарности нашим уважаемым учителям.

Впереди нас ждет тернистый путь, тяжелая дорога русского врача. И вот здесь, на страницах этой маленькой газетки, выросшей из самых беззаботных шуток, мы считаем своим долгом на одно мгновение стать серьезными и сказать:

— СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД ТРУДЯЩИМИСЯ МЫ ИСПОЛНИМ!

шумных церемоний, прикрывающих кустарное производство старого мира. Это не шумная церемония, его таинственное рождение. Наоборот, это тихая бесперемонная высшего напряжения усовершенствованных производственных сил. Ранним утром, как тати на заре, спешащие распределить ночную добычу, трое незнакомых друг другу людей, спешат вписать какие-то знаки в листки и поскорее разойтись, и сонмы советских врачей, как фордовские автомобили выкатываются в объятия Губздрава для обслуживания трудящихся масс.

И никто им не дал никаких прав. Где те великие права, которые об- являлись при рукоположении Медика?

Президент ученого факультета, выпуская в мир нового адепта, объявлял ему великие права:

Jus medicandi,
Cupandi,
Pecandi,
Taillandi,
et occidendi,
Impune per totum Orbem! *).

Не дал Советскому врачу никто таких великих прав и некого ему благодарить. Он сам себе взял мирное одно лишь право:

Jus propagandi impune per totam S. S. S. R.

Проф. С. С. Халатов.

Отрывок из биографии доктора Г.

Об эмбриональном периоде, несмотря на его длительность, очень мало воспоминаний. Помню только, что очутилась в Московской клинике—и первые человеческие звуки, которые я услышала по своему появлению на свет божий, был крик профессора С.: „малыш“. Я ему тоже ответствовала криком. Как выяснилось впоследствии, я стала женщиной, но знаменитый гинеколог, не желая огорчать моей матери, обманул ее, назвав пол, ставший моим противником. Здесь в клинике я впервые познакомилась с знаменитым гинекологом, а также с его мастерским обращением с женщинами моего возраста. С тех пор меня не оставляло желание избрать своей специальностью гинекологию именно с тем, чтобы отомстить гинекологам за то, что они способствовали моему рождению на свет. К сожалению о моих намерениях узнал впоследствии профессор С. и при полном содействии Правления воспрепятствовал этому. Вообще же препятствий всем желающим стать гинекологами в гинекологической клинике встречается немало. К ним относятся молодые врачи выпуска 1925 г.—Маркова, Белявская, Карасик и некоторые другие, менее обратившие на себя внимание ученого мира. Первые мои шаги по появлению моем в клинике были очень неопределенны. По приказу ректора меня моментально убрали от моей родительницы того же вида и рода, обмыли в теплой воде и, в виду моей конституции, а также общей бурной биологической реакции, в виде страшного крика и стерильных слез, унесли в отдельную комнату. Отсюда же, в виду его пола, был вынесен из родильной комнаты и мой однокашник, товарищ Ионин, который тоже начал свою карьеру

в гинекологической клинике. Первое ночное заседание мы с Иониным провели очень спокойно, если не считать некоторых неудобств, связанных с нашим возрастом и пребыванием в клинике. К утру оказалось однако, что мы не одни. Непонятным нам образом, тут же очутились и некоторые молодые врачи выпуска 1925 года, которые тоже решили отвоевать себе место в клинике. Их имена хорошо известны, у меня же амнезия детского возраста и я не решаюсь назвать их вслух. Кстати никаких объективных признаков нашего социального положения установить особой комиссией не удалось; борьба же, которую мы вели друг с другом, была настолько примитивна, что вряд ли ее можно назвать классовой, которая, как известно, отличается тонкостью и чревата всегда серьезными последствиями. Мое рождение представляет, таким образом, чрезвычайно интересный, к сожалению, в акушерской литературе не описанный случай. Подробности моих родов мы не отыскал у моего деда и отчасти на лекциях Константина Клементьевича для 3-го курса. Иван Дмитриевич Ионин решил впоследствии изменить своему положению и избрать себе профессию секретаря курсового бюро. И этому он изменил, избрав другую профессию—научного сотрудника. Как и почему это произошло, мне до сих пор неизвестно: никакого предрасположения в то время не наблюдалось; да и отношение К. К., захаживавшего иногда к нам посидеть, ничем не отличалось. Он называл нас плодиками, против чего мы не возражали; правда один раз он назвал Ионина, в разговоре с деканом, научным сотрудником, против чего Ионин впрочем тоже не возражал.

Продолжение биографии Г. знакомо другим врачам выпуска 1925 г., хотя лично я в этом сомневаюсь.

М. Я. Ашмян.

*) Право лечить, резать, прокалывать, пороть и убивать безнаказанно по всему свету.

ТРОЙНЯ В ГИНЕКОЛОГИЧ. КЛИНИКЕ.

Роженица — многорожавшая девица. Младшие ассистенты нашли, что роды должны идти нормально. Профессор и его старшие помощники указывают на двоюродного. Начались сильные схватки. Первым прозывается младенец, впоследствии названный Абрамсон. Но опытный профессор, специальностью акушерской манипуляцией, отодвинул первый плодик так, что первым оказался второй плодик, названный Пырским. Оба плодика стали претендовать на первенство. Обеспокоенные за жизнь матери, все присутствующие решили сделать перфорацию обоем. Когда трупики были извлечены старшими акушерами, вдруг неожиданно, как для матери, так и для всех присутствующих, явился на свет божий 3-й младенец, нареченный именем Карташов, что значит карта первых двух бита, а шов — указывает на тесное единение всех присутствующих. Мать осталась жива, но по состоянию здоровья инвалида.

М. Абрамсон.

ФРАГМЕНТ.

(Из книг XVI века).

Некий член Правления Ленинградского Медицинского Института, фамилия коего, — не буде всеу упомянута, — буквою К начинается, медичку Цимбал однажды за гнусным деянием, лик свой помощью перекиси водорода изменяющею, узрев, руками тодько всплеснуль мог и пако про себя грустно промолвил: «Что ежели сумашествие подобное вдруг и в мою великую голову на мгновение краткое закрадася бы, — бесспорно на территории всего СССР перекиси водорода количества потребного найти было бы весьма затруднительно!»

Г. Ф.

Несчастные родители или достижения современной науки.

Душе-раздирающая кино-драма в 3-х ди- спектических явлениях. 4.000 mait'ov.

Сценарий—Н. И. Красногорского.

Ющенко—Декорации.

Постановка—В. П. Нивоварова и А. Л.

Дынкина.

Оператор—Ионин.

Действующие лица:

Отец } несчастные.

Мать }

Ребенок } счастливые.

Проф. Красногорский }

Milchnährschaden } молодые врачи.

Mehlnährschaden }

Salznährschaden }

А } факторы.

В }

С }

Козьмина—факторша.

В массовых сценах принимают участие (против желания сценариста) даже студенты.

По ходу действия хор поет декомпозицию.

Явление I.

В одно прекрасное солнечное утро в семье почтенного буржуа заболел ребенок. Обезумевшие от медицины родители, по совету известных факторов А, В и С, решают пригласить трех врачей

выпуска 1925 года—Milchnährschaden, Mehlnährschaden и Salznährschaden, которые настолько похожи друг на друга, что студенты при встрече их путают. При аускультации определены глухие стоны ребенка, а при перкуссии—абсолютная тупость врачей. В виду последнего обстоятельства зовут на совет еще известную факторшу В. Козьмину (фабрика Ufa-Film извиняется, что кино-оператор в этом месте порвал пленку) и выносятся решение пригласить знаменитого профессора Н. И. Красногорского.

Явление II.

В автомобильных очках приезжает Н. И. Красногорский. Бросив беглый взгляд на больного (Diagnose durch die Nase no Pfaunder'y), он говорит:

— Нас только двое: Я и Черный... и еще Джеки Куган... и еще Чарли Чаплин. У ребенка расстроен баланс. Coll'legi, prognosis optima!

Прописывает рецепт и уезжает, сказав прислуге: „all right!“.

Явление III.

Те же и Цинзерлинг.

Прописали ex consiliis.

Ашмян, Френкель, Абрамсон.

Наука и техника.

В дополнение к известному четырех- томному труду профессора Г. В. Хлопина, в общезитии Л. М. И. произведены дополнительные проверочные испытания со следующими выводами: 1) в воздухе известные соотношения кислорода, углекислоты и азота не имеют никакого значения и необходимы следующие газы: сероводород, меркаптан и прочие летучие вещества, „ароматического“ ряда. 2) Достапа света и воздуха не должно быть. (Ното sapiens—анаэроб). 3) То же касается и вентиляции. Новейшими исследованиями, произведенными в одной из лабораторий Л. М. И., доказано, что микроорганизмы не вызывают болезней, а являются случайным осложнением, как напр., spirochaeta pallida является случайным осложнением насморка.

— Д-р Цейтель рекомендует для опознавания трупов измерить длину

последнего и, таким образом, узнать его адрес, чего вполне достаточно для установления личности покойного.

— Д-р М. А. Соловьев предложил профессору Шору в противоположность классификации Lubarch'a свою классификацию воспалений, разделяя их на серьезные и несерьезные. Этот же ученый муж, в далекую бытность свою на II курсе, разделил на соответствующем экзамене химию на „ограниченную“ и „неограниченную“.

— Нам сообщают из Галифакса, что с весны 1926 года подписка матрикулов будет производиться проф. Остановившись по радио.

— Повторение, имевшего шумный успех несколько лет тому назад, научного диспута о специальных областях ото- ларинго- дерматологии состоится не позднее осени 1925 года.

В АЛЬБОМ НА ПАМЯТЬ.

Если вам больно—скажите „да“.

Я хочу, чтобы вы не рассматривали болезнь, как что-то определенное, ясное и резко очерченное, но чтобы вы представили себе заболевание, как что-то туманное, расплывающееся голубоватой дымкой с неясными краями, сквозь которую чуть-чуть, неясно просвечиваясь, намечался бы более близкий к действительности весь образ больного.

И потом, пожалуйста, пишите эпикриз!

Если вы махнете рукой на плодик и скажете: „Ребенок мертвый, нечего с ним возиться“, а он возьмет и закричит через часик, то ваша репутация навсегда пропадет и вас никогда больше не пригласят на практику.

Самое важное в жизни это ездить на велосипеде, носить высокие сапоги, стоячие воротнички с каемкой, круглые очки, уметь держать нож в руке, иметь всегда бравый вид и никогда не портить отношений с женщинами.

ХРОНИКА.

— Тов. Бараб - Тарло, в связи с его назначением по культмичке города с деревней, получил предварительную научную командировку в зоологич. сад, посмотреть, как выглядят корова, коза и проч. домашние животные.

— Новый порядок получения образования. По разъяснению Ф. Я. Чистовича, все окончившие Лен. Мед. Инст. в 1925 г. и не имеющие свидетельства об образовании, обязательно в форме аттестатов, должны до получения диплома окончить среднюю школу. Циркулируют слухи, что после окончания средней школы, означенные граждане должны кончить начальную школу и т. д.

— Доктор Лоянов в связи с окончанием Вуз'а, расширил свою квартиру и в дополнение к своей маленькой душной комнате нанял для постоянного местожительства Поле Жертв Революции. Точный адрес: Поле Жертв Революции, левая сторона, 3-ья скамейка. Видеть ежедневно от 12-и ночи до 8-и утра.

ЗАКУПКИ ГУБЗДРАВА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В связи со все расширяющейся издательской деятельностью Кассы Взаимопомощи Л. М. И. Губздравом закуплено для тов. И. А. Острцова 4.000 цистерн валериановых капель.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

ПЕРЕВОРОТ.

„В диагностической клинике проф. Черноурцкого ассистенты, ординаторы, экстерны и студенты организовали с голоду чайно-бужение. Тонус клиники повысился.“
Из очередных сплетен.

Мы грустно жили—в хрипах, тренях
Тянулася мрачность наших дней
И мы, не зная о наслаждениях,
Служили тяготам людей;
Удел забыт был наших дедов—
Ни шумных пиршеств, ни обедов
Нас не касался тот разврат
И строго-хладным был наш взгляд.
Предавшись сложным изученьям,
В огромной сфере урн и змей,
Быв ангелов самих скромней,
Мы избегали развлечения
И даже самый скромный смех
За смертный почитали грех.

С утра, пешком, в мороз трескучий,
(Билетов, слава богу, нет,
Поестъ был тоже редкий случай—
Что делать—так уж создан свет)
Спешили в Новое мы зданье,
Где процветает столько знаний,
И, быстренько надев халат,
Шагали в душный мрак палат
И делу страстно отдавались,
Пока запас не падал сил,
Животик голод подводил,
И gargouillement вдруг раздавалось,
Жестокую неся нам весть,
Что не мешало бы поестъ.

Да, други, тяжко был удел наш
И путь был тернистым, без роз,
Кишечник тосковал без дела
И нас с'едал энтероптоз.
Лишь редко глас, как трубы гулкий,
Нам возвещал, что близки булки,
И мы, дышанье затаив,
Ловили сей паллиатив,
И каждый так всегда старался
Не упустить священный миг,
Что булочник, заслыша крик,
Не раз и трепетно боялся,
Как бы горячность натур
Ему не сделала руптур.

Ум здравым фокус сохранить—
Старались мы смотреть подробно,
Но все ж теряли часто нить
И, хоть то грустно, ошибались
И „редкий“ herpes labialis
Был находим с голодных глаз
На ягодицах, и не раз!
А то такой, скандал случался:
Над самым адиус'ом студент
Вдруг находил большой акцент,
Иль шум двусторонки признавался
За тренья плевы двух листков...
Что говорить—не хватил слов!

Но вот одной из хитрых голов
В благословенный вечно час
Пришли идеиности „домгола“
И сразу жизнь вдохнули в нас;
И все решили: безобразиям,
Голодных дней однообразиям,
Питаньям в сухомятку—крест,—
В „палате девять“ хватит мест,
Чтоб там устроить чайно-бужение,
Дабы в конце не заболеть
Или совсем не околетъ
В ужасном, вечном истощении
И чтоб науки яркий свет
Вне пролить на пару лет.

И в каждой жизни этой светлой,
В стремлении сбросить тяжкий сплин,
Гипнозизеры и поэты
Сплотились все мы, как один;
А целый ряд судьбы обманов,
Как недостаточность... карманов
(Теперь финансы всюду шваб)
Супили грозно сделать крах,
Но... в единении ведь сила!
И, двадцать подписей собрав,
Преграды трудные порвав,
Харибду миновал и Сциллу,
В одну из Сред мы, наконец,
Пришли счастья венец.

Михаил Васильич—наш диктатор,
И рядом с ним подобный хлам,
Как Френкель—суб-суб-ординатор,
Специалист по старым швам,
Надежда Павловна с аортой,
Madame Зепалова с ретортой,
Три Ольги, парочка Елен,
Георгиев мирнады смея
В борьбе за жизнь соединились
И в этот незабвенный день,
Отбросив скорбь, обнявши лень,
Все вместе чаю так напильлись,
Что результат, конечно, тут
Сказался в несколько минут—

Все лица стали симпатичней,
Глаза живым огнем заглялись,
Сердца забились ритмичней,
Смешки повсюду раздались;
Пошла работа, как по маслу:
Не враг никто уж так ужасно

И не потел, слабей, лоб,
В руках не трясся стетоскоп,
Диагнозы все стали глаже,
Стал уменьшать свой вечный гнев
Наш протейно-терапевт,
И наконец—о чудо—даже
И у Левита на лице
Следы исчезли the!

В виду подобных результатов,
Помолимся, друзья, богам
Чтобы в спасительной палате
Всегда так мило было нам;
Хотя у нас тогда наверно
В карманах будут лишь... каверны,
Но все равно—капризный рок
Продлит пусть дольше наш рай:
И крепитацию бисквита,
Шум трения ножа о хлеб,
Которого не отнял НЭП
(Симптом, что жизнь все-ж не разбита),
И флюктуацию в стекле
Стаканов звонких на столе.

Пожалуй вывод есть уж случай
Из строчек сделать всех моих,
Спешу, спешу—боюсь наскучит,
Быть может вам мой скромный стих!
Так вывод сей, конечно, ясен—
Не так уж жизни путь опасен,
Как люди зря о том твердят,
Когда про горести скулят,
Да и судьба не так уж хитра,
Раз мог простой китайский чай
Из ада нам устроить рай,
Раз можно „рай“ налить in vitro
И жить спокойно без АРА.
Ура,—друзья мои,—ура!

Георг Нордбарн.

Январь 1923.

ФОКСТРОТНОЕ БЕЗУМИЕ.

Ушли в века давно все вальсы
И нынче пыл уже не тот,—
Мы мчимся все быстрее, все дальше:
И жизнь теперь—сплошной фокстротт.

Из школы Павловской Орбелли
Выходит с фистулой в руках
И южный пыл на самом деле

Но, покрывая пыл лезгинский,
И остроумен как всегда
Михаил Дмитриич Тушинский
Легко танцует трепака.

Затем, приняв спермина дозу,
С улыбкой детской на губах
Профессор Личкус—наш Спиноза—
Кружит Гучинскую в мехах,

А вот, являя вид заправский,
Диагноз ставя на лету,
Профессор С. с М-ме Белявской
Легко танцует ки-ка-пу.

Всегда снимая славы пенки,
Любя один перикардит,
С доцентом Лихачевой—Френкель,
Поет известный наш летит.

Как в аудиториях институтских,
Один в двух лицах божества,
Дает профессор Черноурцкий
Свой медлительные рас.

Собой являя дух бесплотный,
Эфиря легкого нежней
Танцуют Шор и Заболотный
Парижский танец апашей.

Места берутся только с бою,
Великий боже—Sturm und Drang!
Средь женских криков, слез и вола—
Георгий Федорович Ланг.

М. Ашмян.

МИГИ ЖИЗНИ.

[Тов. Машанскому на память о тяготах
издания „Оперативной Хирургии“]

Бегут, меняясь, жизни миги
И мчатся стрелки на часах,
Исчезнут в Лете Наций Лиги
И Муссолини лопнет в прах...
И вам, товарищ наш Машанский,
Придется к Суслеву идти
И вы споете те романсы,
Что нынче на моем пути.

Так вам придут те злые миги
И вы поймете в вихре дней,
Что издавать не сладко книги,
Но их зубрить—еще мерзее!

Г. Н.

НА ЭКЗАМЕНЕ У Н. П. ЛИХАЧЕВОЙ.

Катюша медичка старается,
Но близок к концу пациент,
Катюша сама убивается,
Что скажет суровый доцент;
И взором тоскливо-безрадостным
Доценту она просьбу шлет:
„Больному поставлю я градусник,
А вы мне поставьте зачет“.

М. К.

„ПРОТЕИНЯТА“ И „ЛИХАЧАТА“.

Впечатления с диспута о
вреде протейно-терапии, с уча-
стием доцентов Н. П. Лиха-
чева и А. С. Соловцовой *)

Тверды в теории одной
Законы равенства и братства,
На практике-ж сурово-злой
Им нету места оправдаться.

Казалось бы, что нам врачам—
Пособникам в тягчайшем горе,
Не то жрецам, не то богам,
Не надлежало-б быть в раздоре.

Но все ж, увя,—на Лихачат
Судьба нас властно разделила
И на врагов Протейнят,
И между нами рознь вселила.

Мы Лихачата, мы рога
Наставим всем, кому придется,
Фортуна наша не строга
И бестерпиво путь наш вьется.

На ягодицах мы сидим,
А молоко пьем ртом беспечно
И веселы житьем своим,
Им непонятно, то конечно:

У Них ведь всё наоборот,
И ягодицы пациентов
У Них для молока,
А рот,—как видно, лишь для экскрементов!

Они так злы! за микроскоп,
Ангажированный для млека,
С глазами влезшими на лоб
Убить способны человека.

Работа их кипит ключом:
Больные мрут как с динамита,
Протейнятам нищечо—
Они считают лейкоцитов.

А Мы тихонечко, с небес
Звезд не хватая, слава богу,
От молока не ждя чудес,
Идем испытанной дорогой.

Мы лечим тем, чем с давних пор
Лечили люди человека,
Презираем всякий вздор,
Гримасы нынешнего века.

И коль судьба, быть может, Нас
Вдруг неудачей огоршит,
То, не пролив слезы из гласу,
Мы сядем смиренно в галашу;

Но коль коровы скажут: „Цыц!
Довольно! Молока—ни банки!“
Придется Им уж сесть на шприц
Иль на иглу системы Franke!!!

Так в жизненном большом лото
Мы мыслим выиграть, играя,
У Нас „Maskenzie“ есть на то—
Нас вывезет его кривая.

Георг Нордбарн.

СЕССИОННОЕ.

Закрытые двери—в них тайны науки,
Обитель для темных невежд,
Студент, не издавший на сессии звука,
На дверь смотрит полный надежд...

И так протекают экзамены гладко,
И в том медицины секрет:
Никто не садится, но все с пересадкой
Вывозят „из двери“ ответ.

Мэтью Кэв.

ПРОФЕССОРИАДА.

Этот день приятно-жуткий
Иль прощанья, день тоски,
Иль простите эти шутки
Омеха звонкого броски.

Пусть наш тон слегка игрив,
Пусть заезжен и мотив,
Всеж вас любим без конца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Дружелюбно и так просто
Нам читает добрый Шор,
Либо про „анархия роста“,
Иль про „жизненный мотор“.
Про анархию и мотор
Шор читает с давних пор,
Шор читает без конца
Ламца - дрица - ха - ца - ца!

Акушер и легкий циник,
Гинеколог и чудака,
Лысый лектор и сангвиник
Замечательный остряк,
Наш Скробанский! Обо всем
Нам читает с огоньком,
От любви и до яйца
Ламца - дрица - ха - ца - ца!

*) Печатается в порядке дискуссии.

Черноурцкий наш оратор
Превосходный клиницист,
Изумительный куратор
От тоски и круглых глист.
Мы его за это ценим,
Орден ему наденем
С головы и до крестца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Наш профессор Заболотный,
Ветеран микробовед,
С микроскопом беззаботно
Изучает спирохет.

Вибрион, бацилла и кокк
Пляшут все пред ним кэк-вок
Пляшут знойно без конца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

А Халатов—юный лектор,
Меланхолик и педант,
Бессердечный вивисектор,
Ксантомист и лаборант.

У него и так и сяк
Морят кошек и собак,
Морят самку и самца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Лихачев, профессор славный,
Старичек он хоть куда,
Фармаколог презабавный
Любит выпить иногда.

Ассистент его Сережа
Стал профессором—вот тоже!
Два веселых молодца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

И старик профессор Су слов,
Долгопамятный для нас,
Любим мы его красу слов
И здоровый сочный бас.

Чтоб не резал он весной
На экзамен мы с собой
Принесли ему вина
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Шлак, профессор наш известный,
Дело любит всей душой—
Признает наркоз лишь местный,
Несмотря на крик и вой.

Без тампонов лечит Шаак
Грыжи, язвы, зоб и рак,
Лечит в поте он лица
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Наш старик профессор Личкус
Почитается у нас
Ценит каждую медичку-с

По размерам входа в таз.
Он всегда увидит рад
Рост обильный конъюгата
И приятный вид крестца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Джанелидзе—наш профессор
Превосходнейший хирург,
Лечит язвы он повеса,
Изумляя Петербург.

Ради нас профессор Джан
Бросил свой Азербейджан,
К нам приехал пить сердца
Ламца - дрица - ха - ца - ца.

Борис Абрамсон.

АФОРИЗМЫ.

— Молодой врач похож на роженцу:
пока место не вышло, поздравлять нельзя.

— In foeces veritas.

— Знания специалиста подобны флюсу:
полнота их—односторонняя.

ВНИМАНИЮ г. БЕШЕНКОВСКОЙ.

Ввиду того, что Кассой Взаимопомощи
повесены неисчислимые убытки на изда-
нии первоклассного руко(?)водства д-ра
Л. Мейер, рекомендуется, в целях попра-
вления финансового положения, издать
следующие крайне необходимые книги:

1. Сборник иностранных слов, употре-
бляемых на лекциях профессором Красно-
горским.
2. Алфавитный указатель учителей
профессора Джанелидзе.

С'езд хирургов.

На программном вопросе о травма-
тических повреждениях наметилось
серьезное расхождение во взглядах ме-
жду проф. Н. Н. Петровым с одной
стороны, и докторами Цейтелем и Ро-
скимным с другой. Вопрос оставлен от-
крытым.

Спорт.

— С осени 1925 года в Ленинград-
ской сборной голкипера будет играть
Б. В. Верховский.

— В имекших быть на днях на Вол-
ховском шоссе автомобильных гонках
примут участие 6 моторов проф. Шора
системы „Форд-Периферик“.

Происшествия.

— Из Невы извлечен труп мужчины, в котором экспертиза опознала студента-государственника Л. М. И. По мнению экспертизы смерть относится к 31-му мая 1925 года. В кармане утопленника найдена недавно вышедшая из печати, патологическая физиология и записная книжка, на последней странице которой удается прочесть следующее: „Образование гликогена в клетках из растворов декстрозы в крови нужно рассматривать, как явления адсорбции и коагуляции тонко-молекулярно-дисперсных растворов глюкозы в грубо-дисперсное состояние конглоутината... Далее дрожавшей рукой утопленника приписано: „В лиофилии моей прошу никого не винить“.

— Френкель подавился периодом из одной, им недавно отредактированной, книги. Со слабыми признаками жизни он находится в больнице Эрисмана.

— Возмутительное неблагодарное устройство Откомхоза. 18-го июня в 6 ч. веч., на углу ул. Восстания и Жуковской, обвалившимся задним сводом, задавлен на смерть молодой, подававший большие надежды (в объеме направления) гинеколог Л.

— Самоубийство. Покончила с собой путем обращения за помощью к д-ру Рабинеру, г-ка Иванова, Феодосия. Мотив самоубийства — неудачная любовь.

НАША СМЕНА.

А. С. Лоянов записался в пионеры.

КУРЬЕЗЫ ЖИЗНИ.

Один из врачей выпуска 1925 года, но уже с'умевший устроиться на штатную должность, во время своего дежурства по приемному покою, больного с диагнозом „дакриоцистит“ положил в урологическое отделение.

ЕЩЕ О ТРАВМАТИЗМЕ.

По статистике 1925 года, по количеству несчастных случаев, на первом месте, в Америке стоит автомобильное движение, а в Европе — экзамены у проф. Суслова.

Жизнь в клинике проф. Скробанского.

АБРАЗИЕ:

В клинике проф. Скробанского организовано отделение Охраны Материнства от Младенчества.

БЕЗ-АБРАЗИЕ:

За 1925 г. (по точным статистическим данным тов. Полякова) 13845 ординаторов клиники „повернули“ 3846 младенцев. Сломано 7692 ножки. Выхихнуто 7692 ручки.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Раны сердца излечивает без рецидивов профессор Ю. Ю. Джанелидзе.

Шляпки, чулки, корсеты, туфельки и прочие предметы малой хирургии. Практические занятия и консультация

M-me Emilie

Суворовск. здание. II этаж.

От Шапочного отдела ЛЕПО.

Получена новая партия цилиндров глянцевых и зернистых. Студ-медикам скидка (с лестницы).

Утерян пакет лимфатических желез. Умоляю вернуть за солидное вознаграждение. Железы паховые и крайне нужны, а кроме того дороги как память (подарок жены). Ул. Восстания 10, кв. 13.

Повторительные лекции, в вопросах и ответах, об общественной жизни японских гейш прочтет 10 июля в Актовом зале известный ориентолог С. Ф. Проскуряков. Детям вход воспрещен.

ЗА ГОНОРРЕЮ

Хольцова

ДАМ ПО УХУ,

книгу

горлу и носу проф. Денкера. Экстренные предложения адресовать в мою клинику

Д-р А. А. Штейн.

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

У Ф. Я. Чистовича.

Проф. При каком отравлении бывает почти моментальная смерть? Студ. молчит. Ему подсказывают: цианистым кали.

Студ. (не разобрав). При отравлении цианистым калом.

Проф. Я вас пропускаю, но пусть этот экзамен останется вам кошмаром на всю вашу жизнь!

У А. А. Сахновской.

Проф. Какие зубы бывают при нас- ственном сифилисе? Студ. молчит.

Проф. (наводя и подсказывая). Ну, как же вы не знаете? Еще есть знаменитая „триада“! Ну, зубы Гутч...

Студ. (радостно спохватившись). Ах, да, конечно, — зубы Гутчинской.

У А. Н. Никитина.

Проф. Каково социальное значение гонорреи? Студ. молчит.

Проф. Не знаете? Ну, неужели? — Ч- что по вашему было бы, если бы все женщины вдруг заболели гонорреей? Студ. Боль при мочеиспускании.

У Н. И. КРАСНОГОРСКОГО.

Проф. Какие вы знаете депо?

Студ. Жировые, углеводные...

Проф. (с берлинским акцентом). Еще?

Студ. (увлеченный). Солевые, паровозные...

Проф. Первый раз за весь год слышу толковый ответ (подписывает ему матри- кул).

У Н. И. АНДОГСКОГО.

1-ый случай.

Проф. Будьте любезны прооптальмо- скопировать правый глаз этого больного и нарисовать глазное дно.

Студ. возится полчаса с больным и, наконец, приносит профессору разма- занный листок.

Проф. Что это здесь у вас?

Студ. (волнуясь). Это вена... более темная.

Проф. Очень хорошо. А это?

Студ. (уже успокоившись, смелее). А это две артерийки!

Проф. Великолепно! Каково же, по ва- шему, глазное дно больного?

Студ. (совсем уверенно, чувствуя, что сдал). Совершенно нормальное!

Проф. (расширив первый раз в жи- зни). Вот ваш матрикул! Уходите немед- ленно! У больного нет правого глаза — у него в правой орбите протез!!!

2-ой случай.

Проф. Что вы предпримете при наличии тафталомии?

Студ. молчит; сосед ему подсказыва- ет энуклеацию.

Студ. (плохо расслышав и еще хуже сообразив) — Я произведу ему энуклеацию глаза.

Проф. (второй раз в жизни выйдя из себя). Убирайтесь вон!

ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ.

Правление Л. М. И. не допустило к Государственным экзаменам группу сту- дентов I-го курса.

ТЯЖЕЛАЯ ДРАМА.

В аудитории Нового Здания поднят труп мухи средних лет. Проф. Халатов занят исследованием ее холестерина.

ДОМАШНИЕ СОВЕТЫ.

Рекомендуется медикам, безнадежно влюбленным в проф. Ю. Ю. Джанелидзе, очень верный и легко доступный способ обратить на себя его внимание. Нужно взять обыкновенный кухонный нож и ткнуть им себя в область сердца (предпо- лагается, что границы последнего извест- ны даже лицам, вмещающим в сердце горячую любовь); затем звать в Скорую помощь и вызывать автомобиль для пе- ревозки в Центр. Госпиталь. Нежное и самое внимательное отношение проф. Джанелидзе гарантировано на многие дни, вплоть до демонстрации в Пироговском музее (включительно).

М. Ф.

Около рампы

По достоверным слухам труппа Б. Драма- тическ. театра (сезон 1925/26 г.) собирается снять помещение под театр в больн. им. Фи- латова. Для открытия возобновляется ко- медия Шекспира „Много шума из ничего“.

Акопера. С большим успехом прошел де- бют молодого тенора С. в опере Мусоргского „Борис Годунов“. Особенно удалось артисту ариозо „Достиг я высшей власти“. Специально для певца вся тисси- тура оперы переписана с баса на тенор.

Акбалет. Состоялся интересный спек- такль с участием китай- ского танцовщика Ли-Тинг-Ланга. Артист с очаровательной М-ле Гипертонией ис- полнил „pas de deux“. Прима балерины Подвысоцкая и Сахновская, как всегда, выступали со своими партнерами Lu-Es и Lu-Pus.

В ОПЕРЕТКЕ.

Во время последнего представления „Корневильских Колоколов“, по внезапной болезни арт. Ольховского, вальс-рондо „В моем скитании много страданий“

довольно недурно спел хорист Ю. С. Га- вронский. По окончании арии, статистка Нейман упала в обморок и сломала себе руку, а театру — декорацию.

ГОВОРЯТ.

„Вот бы у нас молодые врачи, о том, незрелости их знаний, будут посланы на Юг, дозревать на солнышке, а затем от- правлены на Север, в тундры, лечить са- мородов от людоедства.“

Говорят, что на Госуд. Испытаниях некий студент открыл новую болезнь „Сирингомелалия“. Проф. М. И. Никитин предложил ему ученому мужу опублико- вать свое открытие.

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ.

Очень сожалею, что не могу прочесть повторительного курса на вашем вы- пускном вечере. Примите привет. Под- пись моя вам хорошо известна.

Проф. Шор.

Не могу приехать. На лотках Мос- сельпрома продаю смесь Красногорско- го — Бирка *).

Проф. Красногорский.

В клинике я и Рабинер. Не могу приехать. Если какая-либо анестезия — везите ко мне. Целую.

Шаак.

Ножом Лисфранка и именем Мейер благословляю вас.

Пр. Сусл.ов.

Сию в тюрьме. К осени жду боль- шую партию врачей выпуска 1925 года. Чем-нибудь да поможем! Как не помочь родному человеку! Привет.

Проф. Останков.

Молодым врачам наш привет. Мы не сомневаемся, что следующие вы- пуски будут чтить вашу память вста- ванием.

Бюро НОТ'а.

Вопедших в актовй зал медико- бластами, приветствую вышедших меди- коцитами.

Проф. Халатов.

В полном одиночестве и неизвест- ности, в объятиях М-ме Конституции, в глубокой тиши приветствую врачей вы- пуска 1925 г.

Проф. Черноуцкий.

Очень сожалею о том, что не могу изучить влияние алкоголя на врачей выпуска 1925 года. Материалы хоть пришлите!

Проф. Лихачев.

Принял Ашмян.

В УЧЕНОМ МИРЕ.

Во время одной из научных дискуссий, когда проф. Личкус слишком нападал на проф. Скробанского, последний, со свой- ственным ему тонким юмором, ответил:

— „Вы, дорогой Лазарь Григорьевич, в моем глазу всякий суек видите, а в своем Глазу бревна не замечаете!“

Проф. Плетнев, в знак глубоких симпа- тий к проф. Лангу, прислал ему одного из своих самых даровитых учеников — д-ра Мясникова.

Отдел „Безбожника.“

В виду ликвидации богов в Совет- ской России, с Олимпийских Высот в бе- лом облачении спустился на землю профессор Ланг.

Заметки друзьям.

Карташову — Великим быть желаю, Люблю науки честь, — Я много обещаю, Исполню ли — бог весты!

Гогину — И на челе его высоким Не отразилось ничего!...

На Френкеля

(поэта и медика).

С низами не мешай верши. Ведь результаты будут глуши. Он зло скальпирует стихи И поэтично режет трупы.

М. К.

В последнюю минуту

— В связи с предстоящей осенней сессией Государственных Испытаний, студент *Бараб-Тарло*, проникшись чув- ством откровенности, подал заявление о переименовании его фамилии в *Арап-Тарло*.

— Тяжелая болезнь профессора Ланга! Ленинград, 20. VI. Опасно заболел завед. фак. тер. клин. проф. Георгий Федорович Ланг. У Ланга Рак.

— Д-р Берзон спешно вызван в уезд, чтобы остановить угрожающее падение престижа медицины.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Предлагаем вниманию наших читате- лей имеющиеся на складе следующие книги:

1. К. К. Скробанский — Эволюция моего жителя. (Трагедия из жизни моло- дого человека).
2. М. Д. Тушинский. Сборник ста- ринного остроумия. (Количество экземпля- ров ограничено)

Правление Ленинградского Медицинского Института с глубоким прискорбием извещает о смерти профессора

Н. Н. ПЕТРОВА,

последовавшей во время экзаменования им студента Ренинсона. О дне погребения будет объявлено особо.

КУРОРТНАЯ ГОРЯЧКА.

[Наш удел].

16 мест... Желающих 120
Кавказ и Крым. Здесь грязь — там лиман,
И вот извольте в каждом разобраться
Туберкулез, или почки, или обман...
Кругом толпа... 120 нудных жалоб,
Слова, слова, везде потоки слов...
И в этот миг душа у всех желала-б,

*) Телеграмма на 5-ти языках.

Что бы сосед был дьявольски здоров.
А бедный врач, запарившись до пота,
Выстучивает 107-ю грудь...
И пишет „грязь“, а думает „в болото!“
И хочет сам минутку отдохнуть.

Мэтью Кев.